

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

The central illustration depicts a dramatic action scene. In the foreground, a man with a serious expression aims a handgun directly at the viewer. Behind him, two figures in green hazmat suits are visible, one holding a device with a biohazard symbol. To the right, another man is shown in a dynamic pose, also holding a handgun. The background is dark and smoky, suggesting an underground or industrial setting.

ПОДЗЕМНЫЙ
КОНВЕЙЕР

Сергей Иванович Зверев

Подземный конвейер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10877535

Зверев, Сергей Иванович. Подземный конвейер: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81450-3

Аннотация

Участковый инспектор Нестеркин находит в окрестностях завода по утилизации боеприпасов труп рабочего, облитый серной кислотой. Несколькими днями позже, в том же месте, эколог Влад Тertiшный обнаруживает в пробах грунта и воды жуткое количество отравляющих веществ. Руководство МВД поручает сотруднику полиции Антону Копаеву, работающему под прикрытием, внедриться в окружение начальства завода и выдать себя за человека, с которым будут вынуждены считаться не только менеджеры, но и уголовные авторитеты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Зверев

Подземный конвейер

© Зверев С.И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Младший лейтенант Нестеркин не был человеком импульсивным, но любая, даже самая выдержанная и флегматичная личность начнет рефлексировать, если долгожданное не сбывается. Коля Нестеркин работал участковым в поселке Проводино уже почти шесть месяцев, но так и не прославился значимым делом. Нельзя сказать, чтобы он жаждал раскрыть страшное и загадочное убийство или иное громкое преступление, наконец-то совершенное на его территории. Но внутренняя энергия и вера в свои способности переполняла молодого человека.

Если бы в жизни все текло гладко, то славы можно было бы ждать долго, тщательно готовиться к ее приходу. Но как раз гладкой жизни у участкового и не получалось. Красавица Лариса так и оставалась недосягаемой и далекой, хотя вела себя так, как будто только и ждала от Николая, чтобы он поманил ее пальцем. Собственно, парень не раз так и делал, а ситуация оставалась прежней. Как говорила Колина мама в свое время про такое поведение девушек: «Стоять там – иди сюда!»

Ревновал Нестеркин Ларису страшно, потому что она была красивая, вдобавок работала в кафе на федеральной трассе. Едва ли не все дальнобойщики, останавливающиеся перекусить в этом заведении, заигрывали с ней всякими до-

ступными им способами. Вплоть до шуток, имеющих двойную и не совсем приличную суть, и недвусмысленных предложений бросать кухню и прокатиться с ними до Нижнего и назад.

Но Лариса, надо отдать ей должное, умела поставить себя так, что шлепков по заду, как и щипков, никто из водителей не допускал. Ходили слухи, правда, что как-то в прошлом или позапрошлом году один парень попытался проявить вольность. Короче, больше он в этом кафе не останавливался.

Коля Нестеркин, собственно, обслуживал не только Проводино. В состав его территории входили три населенных пункта. Километрах в десяти стояло небольшое село Лыкино. Бывшая совхозная усадьба Земцовское располагалась километрах в трех. Как раз там, где недавно был открыт военный полигон.

Нет, даже не полигон. Нестеркину в отделе рассказывали, что это был завод по утилизации боеприпасов, срок хранения которых на воинских складах истек. Способ этой самой утилизации какой-то новый – безвзрывной. Вроде разбирают их там, а металл отправляют на переплавку. Да и взрывчатое вещество тоже куда отправляют.

Всего несколько человек, постоянно зарегистрированных на территории участкового Нестеркина, работали на этом новом заводе. Большая часть персонала приезжала на ведомственных автобусах из райцентра, где имелась квалифици-

рованная рабочая сила. Жители поселка ничего интересного рассказать об утилизации не могли. Они были грузчиками, рабочими по уходу за территорией, занимали другие не очень-то квалифицированные должности.

Коля Нестеркин частенько прогуливался с Махно вдоль шоссе. Он шел по проселку за лесополосой, поглядывал на заводской забор и размышлял, может или не может кто-то из рабочих попытаться украсть что-то из боеприпасов. Есть ли у молодого участкового шанс поймать с поличным этого человека? Может быть, таким образом удастся выйти и на заказчиков – каких-нибудь террористов, которым нужна взрывчатка.

Дело сулило большой резонанс, а может, и вторую звездочку на погон вместо одной, совершенно постыдной. Местные за глаза называли младшего лейтенанта полиции ночным майором. В том смысле, что ночью не разберешь, какого размера звездочка. Можно для солидности и майором представиться.

Махно был псом, преданным и беспородным – самое частое сочетание в собаках. Большеголовый, черно-коричневый, лохматый Махно бежал впереди и постоянно шнырял по кустам, откуда то с шумом взлетала птица, то с шуршанием удирали какая-то живность.

Любопытный и неугомонный Махно любил играть, обо-жал, чтобы все было так, как ему угодно, и терпеть не мог чужих людей. Хотя последнее могло быть не вполне искрен-

ним. Наверное, это его качество проявлялось лишь для того, чтобы угодить хозяину. Младший лейтенант полгода назад взял его с улицы в дом, фактически дал территорию, которую пес теперь ревностно охранял, любил и осваивал.

– Махно, иди сюда! – прикрикнул Нестеркин на собаку, чтобы наконец-то отвлечься от мыслей о Ларисе.

Махно с готовностью подлетел, подскочил на задних лапах с явным намерением положить передние хозяину на грудь. Нестеркин ругнулся и отпихнул пса от себя. При этом он почувствовал, что восторженный великовозрастный пес успел-таки лизнуть его в руку.

– Что ты все носишься? – с укором сказал Николай. – Нет в тебе степенности и солидности. Балда ты!

Махно некоторое время бежал рядом, заглядывая хозяину в глаза. Но потом он понял, что кроме пустого разговора ничего не будет, и снова с энтузиазмом ринулся гонять по кустам грызунов и прочую живность. Участковый вздохнул, с сожалением посмотрел на солнце, садящееся в кроны леса, и решил, что пора прибавить шагу.

До дома примерно километр. Там можно будет сбросить форменную рубашку и брюки, от которых ноги чешутся, встать под душ, остыть до мурашек, а потом с полотенцем на шее усесться на веранде с бутылочкой холодного пива. Прежние хозяева дома устроили замечательный глубокий погреб-ледник. Правда, лед туда Николай не натаскал, но в погребе и без того было лишь градусов двенадцать тепла.

– Махно! – снова крикнул Нестеркин, поняв, что собака куда-то исчезла, и он уже несколько минут идет один. – Махно, ко мне, зараза такая!

Метрах в тридцати в стороне от лесополосы слышался призывный лай собаки, в котором улавливались какие-то странные завывающие нотки. Николай остановился и прислушался. Точно, Махно звал хозяина в низинку, заросшую кустарником, кривыми березками и осинками.

«Нашел, что ли, чего?» – сразу подумал участковый, позвал собаку еще пару раз и решил, что это все неспроста.

Осторожно идя по траве и выбирая места, где было посуше, он добрался до низинки и увидел, что Махно с ожесточением рыл передними лапами рыхлую землю и поскуливал. Увидев хозяина, пес подскочил к нему, тьякнул несколько раз и снова кинулся к странному месту, где трава была срезана вместе с пластинами дерна, а потом снова уложена на небольшую кучу рыхлой земли. Дерн не успел ни засохнуть, ни прижиться на рыхлой куче, отчего у младшего лейтенанта возникла мысль, что здесь выкапывали или, наоборот, зарывали что-то совсем недавно.

Нестеркин оглянулся по сторонам, с сожалением посмотрел, как солнце уже опускалось за верхушки деревьев. Рыть у Махно получалось здорово. Он уже выбросил в сторону приличную кучу земли, и перед ним теперь была ямка глубиной в полметра. Николай решил не мешать своему четвероногому другу и вспомнил о своих мечтах о громком деле.

Может, тут прятали взрывчатку, украденную с завода? Рука участкового сама нашарила на поясе рацию, так, ради спокойствия.

Махно сделал еще несколько мощных гребков лапами, потом сунулся в вырытую яму, понюхал и отскочил, трясая головой. Николай подошел и присел на корточки. Из земли что-то торчало. Грязное, округлое и явно такое, что там находиться не должно.

Нестеркин подобрал сухую ветку толщиной с руку и стал тыкать в странный предмет, который чуть шевелился при этом. В воздухе повеяло чем-то не совсем приятным, напоминавшим запахи кабинета химии в школе.

Неужто кто-то химикаты закопал?

Участковый сделал еще несколько движений палкой. Потом он ругнулся, вдруг схватил фонарик, встал на колени и нагнулся над ямой. Теперь ему было ясно видно, что из земли торчит носок обычного кирзового рабочего ботинка. Что-то подсказывало младшему лейтенанту, что в этом башмаке есть нога человека. Точнее, трупа.

Нестеркин снова нащупал рацию на поясе и щелкнул выключателем.

Санаторий, в который устроил Антона Копаева благодарный Юрий Сергеевич Веденский, назывался «Бутурлинские дачи». Часть корпусов санатория была построена в самом начале прошлого века, но внутри они были переоборудованы и

реконструированы на совершенно современный лад. Наверное, это была не дань моде, а вполне конкретные требования к медицинскому учреждению.

Этот санаторий, как понял Антон, был реабилитационным центром и клиникой для очень сложных случаев. Серьезные травмы, незаживающие раны, повреждения опорно-двигательного аппарата, кажется, даже нейрохирургия.

Антон уже относился к категории реабилитируемых. Если разобраться, то рана у него была пустяковая. Подумаешь, пуля пробила брюшину и сломала два ребра.

Правда, в брюшной полости возникло заражение. Медикам приходилось промывать специальным составом чуть ли не все внутренности пациента, почти неделю пролежавшего с трубкой, через которую вытекала всякая гадость. Но молодой организм победил заразу, справился с ней. Теперь Антону предстояло, как он сам думал, восстанавливать силы, иммунную систему и сращивать ребра.

Когда врачи наконец-то разрешили ему встать, Антон первым делом обследовал территорию санатория. Это мероприятие показало, что заведение и в самом деле было элитным. Значит, он не напрасно прикрывал собой бизнесмена Веденского и его жену Карину. Вполне уместная благодарность. А еще Антона радовало, что супруги вновь нашли общий язык, многое поняли, и теперь у их отношений есть будущее.

Раз уж представился такой случай, Антон решил отдох-

нуть со вкусом. Жаль, что тут не было моря, но имелись два бассейна. Антон нагружал себя плаванием и нырянием, тренировал легкие, которые от долгого лежания в постели стали сдавать.

Разумеется, Антон взял за правило каждое утро и вечер бегать кроссы по периметру территории, а с четырех до шести занимался в тренажерном зале. Штатный инструктор ознакомился с историей болезни Копаева и разрешил ему определенный комплекс нагрузок. Антон принялся наслаждаться жизнью.

Осмотры, анализы, процедуры!.. Все это перемежалось с приемом вполне приличной пищи.

Очень скоро Антону стало скучно. Сперва он организовал турнир по шахматам, потом по настольному теннису, далее по длительности пребывания под водой. За такие вот инициативы ему как следует попало от главного врача. Оказалось, что в турнир ввязались те пациенты, которым такие нагрузки были явно противопоказаны.

Антон несколько поостыл к спорту, но тут же попал в сети процедурной медсестры Алены. Девушка лет двадцати шести, стройная, с отличной, хотя и немного полноватой фигурой носила подчеркнуто сексуальный медицинский халат. Это касалось и его длины, и глубины выреза на груди, и туго обтянутых талии и попки. Алена только что вернулась из отпуска и сразу обратила внимание на молодого человека, сложенного как скандинавский бог, с такими же светлыми

волосами и глазами, который целыми днями развлекался на спортивных площадках.

Сперва она убедилась в том, что господин Копаев на женщин внимания практически не обращает, а потом якобы совершенно случайно столкнулась с ним в дверном проеме процедурного кабинета. Честно говоря, Алена была не первая из тех представительниц медперсонала, которые положили глаз на Антона. Но те две или три медсестры и одна врач-интерн были настолько не в его вкусе, что он даже не обратил внимания на знаки внимания, выказываемые ими. С Аленой же все вышло совсем иначе.

Антону предстояло получить два последних и очень болезненных укола витаминов в мягкое место для завершения борьбы с воспалительными процессами. Без особого энтузиазма он в назначенное время пришел к процедурному кабинету, постучал в дверь, не дождался ответа и распахнул ее.

Почти сразу ему в объятия угодила высокая плотненькая девушка с темными длинными волосами и пухлыми губами. Блеск ее глаз, темный южный загар, пышная грудь и дыхание, которое вдруг стало прерывистым и взволнованным, сделали свое дело. Антон окинул взглядом все это богатство и не сразу выпустил девушку из объятий.

– Простите, – вкрадчивым голосом сказал он, ощущая под тонкой тканью халатика податливое горячее тело. – Я такой неуклюжий. Я постучал, но мне не ответили...

– Это я виновата. – Девушка дыхла ему в лицо. – Пе-

реодевалась и не слышала. Так жарко ходить, когда на тебе белье!..

Антон посмотрел на ее приоткрытые губы, белизну чуть видневшихся зубов. Он сразу оценил прозвучавшие слова как приманку, начало охоты на него. Если девушка намекает мужчине, что на ней нет белья, то он, как правило, сразу же начинает сходить с ума от возбуждения. А тут было что представить себе не совсем одетым. Кажется, эта хитрая и опытная штучка давно имела его в виду. А почему нет?

– Я, вообще-то, пришел на укол, – напомнил Антон, из вежливости ослабляя хватку. – Вы ведь процедурная сестра?

– Угадали, больной, – громким шепотом ответила девушка. – Я сейчас возьму вашу карточку и лист назначений. А в какое место вам колют?

– В то самое. – Антон многозначительно шевельнул бровями. – Всегда так грубо и цинично! У здешних сестер не очень-то ласковые руки, а нежности жутко хочется, потому что все тело уже болит от уколов.

– Вы даже не заметите, что я вас уколую, – пообещала медсестра. – Идемте же. Скорее снимайте штаны.

Это словоблудие продолжалось все время, пока Алена знакомилась с назначениями, доставала лекарство, наполняла шприц. Она даже очень сексуально протерла уколотое место ваточкой, хотя Антону было в этот момент не до флирта. Он слышал, с каким скрипом вошла в кожу игла. Это место у него болело так же, как после пулевого ранения.

В этот день у них ничего не было. Их отношения ограничились игрой, потому что каждый понимал, что необходимо соблюдать приличия, даже если мужчине и женщине все ясно без слов. Это флирт, и в нем есть свои правила. Антон стал вести себя в соответствии с ними.

Он пригласил девушку на свидание, и они четыре часа бродили по самым темным участкам санатория. Антон развлекал свою новую знакомую веселыми историями и байками, врал напрапоалу, что он – непутевый сын богатого отца, рассказывал, как прожигает жизнь.

Ни в этот, ни в следующий вечер он к Алене не прикоснулся. Так только, иногда подавал руку, смеясь, шутливо обнимал за талию или за плечики. Девушка оценила тактичность молодого человека и прониклась к нему доверием. Потом Антон пригласил Алену в кафе и удрал ради этого за территорию. Хорошо, что в этом заведении было принято личные вещи и одежду иметь при себе, в персональном шкафчике. Тем более что Антон лежал в палате, предназначенной для очень важных персон.

Потом они, слегка опьяненные шампанским, со смехом перебрались через ограждение, вернулись в санаторий, прокрались в корпус, а потом и в палату Антона. Это было молчаливое соглашение. Никто ничего не говорил, не предлагал, но оба понимали, что приличия соблюдены, что они хотят одного и того же, но не желают выглядеть распутными.

В темноте палаты Антон наконец-то закрыл ее рот свои-

ми губами, прервав очередную вспышку тихого смеха. Алена сразу обмякла в его руках. Он прижал ее к себе, ощущая женское возбужденное естество каждой клеточкой своего тела. Антон начал стаскивать с нее белье, которое на ней все же было.

Потом они лежали рядом. Он смотрел в потолок и размышлял о том, что такие вот девушки не стыдятся подобного образа жизни. Точнее сказать, они не видят ничего зазорного в том, чтобы спать с теми, кто им нравится, наслаждаются жизнью так, как им хочется.

Когда приходит время и желание покоя, семьи, детей, они без особых проблем находят подходящий вариант. Сделать это им не сложно. Ведь мужика в большинстве случаев за просто можно привязать к себе постелью. Он ведь устроен примитивно, к хорошему привыкает быстро, жутко боится потерять такое чудо, как вот эта женщина в постели. Мужик ведь стыдится сказать, мол, я на тебе не женюсь, потому что у тебя не первый. Он ведь, дурачок, сразу начинает сравнивать и соглашаться, что она у него тоже не первая.

Надо отдать им должное. Жены из таких вот Ален получают просто замечательные. Им уже не нужно так называемое гуляние, ибо они свое взяли, хотят покоя и хорошей семьи, строят и оберегают ее.

Попробуй потом кто-нибудь из старых партнеров протянуть к ней руку. Даже если мужа рядом не будет и ситуация окажется подходящей, она все равно отошлет этого приятеля

так, что мало не покажется. «Все! Я теперь другая. Даже не помышляй помешать мне строить свое счастье». Нет ничего страшнее разъяренной и злопамятной женщины, которую ты обидел.

Антон не знал, о чем сейчас думала Алена. Он предполагал, что ей просто хорошо, но она вполне может уже рассуждать о выходе на охотничью тропу, выискивать, с кем бы сложить свою судьбу и соединить жизнь. Но канючить и унижаться Алена не будет, пока не поймет, что это и есть тот самый мужчина, который ей нужен. Антон не собирался давать ей повода для решений подобного рода. Это был не тот тип женщины, которую он хотел бы видеть своей женой. Когда-нибудь, потом, лет эдак через несколько.

– А ведь ты не сынок богатого папаши, – вдруг прошептала Алена, поглаживая Антона по обнаженной груди.

– Откуда такие сомнения? – пошутил он, набивая голос гонором и спесью.

– Ладно тебе. – Алена засмеялась. – Это я так просто.

Вот все и стало на свои места. Она намекнула, что не верит в его вранье, понимает, что он не хочет подпускать ее к себе слишком близко, не претендует на это. Антон как бы подчеркнул, что и в самом деле не собирается раскрывать перед ней душу. Это будет короткий любовный роман, и не более.

– Я должен тебе кое в чем признаться, – страшным шепотом сказал Антон. – Я тоже не верю в то, что ты медсестра.

Я думаю, что ты физик-ядерщик. Тебя подослали сюда для проведения тайных экспериментов над людьми.

– Ага. – Алена опять засмеялась. – Я сотрудница американского ядерного центра.

Утром Антон вышел из своей палаты с полотенцем на плече в состоянии нарушенного душевного равновесия. Эти недели бездействия стали подтачивать его как червь. Вчерашняя эмоциональная встряска в виде секса подчеркнула, что он слишком погряз в мирских радостях. Это было непривычно, потому что к роскоши Антон не привык. Это было тоскливо, потому что безделье уже надоедало ему.

А еще Антон не мог не думать о том, что большинство обитателей этого элитного санатория – люди в той или иной степени обеспеченные. Откровенно говоря, он считал, что честным путем разбогатеть невозможно. Если ты даже не нарушаешь законов, то тебе все равно приходится, что называется, перешагивать через людей. Ты обманываешь своих конкурентов различными маркетинговыми ходами, срываешь чужие сделки в угоду своим, экономишь на социальных выплатах, недоплачиваешь наемным работникам, просто даешь взятки и платишь откаты. Хотя это уже нарушение закона.

Он смотрел в эти лица и прикидывал, как тот или иной человек ведет свой бизнес, каков он в деловой обстановке, в семье или среди друзей. На него сразу накатывало раздражение, появлялось желание копнуть поглубже, вскрыть нару-

шение законодательства, поймать за руку, посмотреть в глаза и спросить.

Хотя все это уже было. Он много раз смотрел в глаза людям, пойманым за руку, и много раз пытался спросить их. Ответов Антон не получал, потому что они просто не понимали друг друга. Он – борец со злом, защитник всех жертв, потенциальных и настоящих. Они – беспринципные, самодовольные, не видящие никого и ничего, не считая своей выгоды, собственных желаний. Злые только потому, что их остановили, им помешали.

Антон проходил мимо соседней VIP-палаты и наметанным глазом сразу отметил, что человек, сидевший на мягкой скамейке у стены, неподалеку от входа, не есть здешний пациент. Да, одет он был как все: футболка, короткие широкие удобные штаны, которые в Екатеринбурге, как помнил Антон, называли бермудами. Примерно так тут выглядели все пациенты. Только вот на ногах у парня были не шлепанцы или иная легкомысленная обувь, а плетеные сандалии, очень добротные и аккуратно застегнутые. В таких бегать можно.

А еще парень делал вид, что читает журнал. Он именно делал вид, потому что Антон сразу уловил взгляды, бросаемые по сторонам с частотой в две-три секунды. Даже чаще, если мимо палаты кто-то проходил. Взгляды были оценивающие, профессиональные. Фигура у парня была очень даже спортивная. На костяшках пальцев заметно выделялись уплотнения, набитые о твердую поверхность.

«Вот какие клиенты тут отдыхают! – подумал Антон. – Даже здесь им нужны телохранители. В санатории-то оно даже важнее. В этом месте очень нужны понты, чтобы другие состоятельные люди смотрели на тебя с уважением. Интересно, ценят ли одни бизнесмены других за то, что те чересчур выделяются?»

Антон резко свернул в сторону телохранителя и отметил, как тот весь подобрался.

– Братан, у тебя закурить не найдется? – весело спросил Копаев.

– Нет. – Охранник отрицательно мотнул головой. – Не курю.

– А жаль, – грустно констатировал Антон. – Вообще-то, я сразу вижу, что ты парень хороший, спортом занимаешься. Пошли в бассейн! Слабо наперегонки на пятьдесят метров?

– Нет, – сказал парень, не поднимая глаз от журнала, но шныряя ими по сторонам. – Я пас, извини.

Антон усмехнулся, круто повернулся и сразу наткнулся на подозрительный колючий взгляд еще одного телохранителя. Этот парень совсем недавно весело болтал о чем-то с медсестрой. Сейчас он сместился ближе к Антону и стоял, облокотившись на подоконник на левой напряженной ноге.

«Наверное, она у него толчковая. При малейшем признаке опасности он готов броситься на меня. И чего я прицепился? – подумал Антон с неудовольствием. – Ребята при исполнении. Работа у них такая. Что умеют, то и делают. Во-

обще-то, два охранника – это слишком!»

Хмурый Копаев подошел к бассейну, повесил полотенце, разделся, прошел в душ, старательно вымылся и натянул плавки. Потом он прямо с бортика нырнул в воду, что не одобрялось администрацией. Сегодня ему удалось преодолеть под водой почти тридцатиметровое расстояние.

Антон вынырнул, тряхнув головой, чтобы мокрые волосы не лезли в глаза, и лег на спину. Хорошо было ощущать силу, энергию, мощь своего тела. Хотелось новых и новых нагрузок, чтобы потом ощущать каждую мышцу, любую связку послушными, готовыми к действию. Он повернулся на живот и мощными гребками стал разрезать воду, прошел остатки дистанции красивым кролем.

– Антон! – раздался сверху призывный голос.

Ему пришлось остановиться и опереться рукой о бортик. К нему шла Алена, засунув руки в кармашки своего вызывающего халатика.

– Вот ты где! Резвишься?

– Восстанавливаю былую форму.

– Молодец, ты упорный. Слушай, Антон. – В голосе и в лице Алены не было ничего, что напоминало бы о вчерашней ночи. – Недавно на пятиминутке главврач утвердил список тех, кого нужно готовить к комиссии на выписку. Ты в негоходишь. Только не забудь, что у тебя по назначению сегодня последний укол. В попку!

Последние слова были произнесены с блеском в глазах и

игривой интонацией. Все-таки не удержалась, отметила их отношения. А может, это был намек на то, что неплохо бы продолжить?

– Девушка из гестапо, – проворчал Антон, выпрыгивая на край бортика. – Садистка, а что у меня за сосед появился в третьей палате? Важный дядя?

– Шишка какая-то. – Алена пожалала плечами. – Его после хирургии привезли. То ли автомобильная катастрофа, то ли еще авария какая. В моих руках он пока не был.

– Зато я был в твоих руках, – вытираясь полотенцем, сказал Антон. – Незабываемые впечатления!

– Только о руках? – Девушка хитро прищурилась.

– Об уколах, – пояснил Антон.

Когда приехала оперативно-следственная группа, совсем стемнело. Коля Нестеркин сидел на стволе поваленного дерева и курил десятую, наверное, сигарету. Махно, которому надоело просто сидеть или лежать, мыкался где-то рядом по кустам, но к яме с трупом больше не подходил. То ли пахло там отвратительно для его чувствительного носа, то ли он считал, что выполнил свой долг. Я, мол, труп нашел, а дальше уж вы, люди, сами как-то разбирайтесь.

Белый микроавтобус «форд», с синей полосой и надписью «Дежурная часть» на боку, медленно, аккуратно пробрался по проселку и остановился так, чтобы свет фар падал на нужное место.

– Что у тебя? – Первым выскочил майор Иннокентиев, сегодняшний оперативный дежурный, который приехал вместе с группой сам, а не прислал помощника.

– Все то же, – стараясь говорить бодро, ответил участковый. – Кажется, труп.

– Ну, что сам копать не стал – уже хорошо, – раздался сбоку голос криминалиста. – Люблю сознательных сотрудников. – Сашка, вруби дальний свет! Не-не-не, убери! Так только хуже. Оставь ближний.

Пока следователь с криминалистом фотографировали и описывали место, где был обнаружен покойник, Иннокентиев присел ряд с Николаем, закурил и спросил:

– А ты как сюда забрел-то? У тебя вроде «уазик» есть. Сломался, что ли? Или ты погулять решил?

– А черт его знает, – попытался солидно ответить младший лейтенант. – Может, интуиция подсказала. Вот потянуло что-то пешком пройтись в этих местах.

– Ты языком-то на эту тему не особенно мели, – посоветовал майор. – Я тебя давно знаю, а другой, тем более если он из прокуратуры, сразу начнет копать и рыть под тебя. Так что про интуицию молчи, а вали все на случайность. Да вон на псину свою. Твой бегаёт?

– Мой. Кстати, он и нашел.

– Во-во, этой версии и придерживайся. Давай без мистики.

Выкапывать труп пришлось самому Нестеркину. Во-пер-

вых, больше некому, потому что дяде Саше, водителю дежурной машины, такого не прикажешь. Он может и послать куда подальше, вполне резонно, между прочим, мотивируя это тем, что он не землекоп, а водитель. Пусть каждый занимается своим делом. Во-вторых, Нестеркин был тут самым младшим по всем параметрам. Криминалист, смешливый высокий капитан, правда, помогал. Но скорее он просто заботился о том, чтобы яма была выкопана с наименьшими повреждениями для ее жуткого содержимого.

Так, в две штыковые лопаты, они и выкопали то, что в самом деле оказалось трупом. Еле заметный смрад начавшегося разложения перебивался сильным запахом кислоты. Бедолагу облили ею, наверное, уже в этой яме. Потеки и дыры на брезенте явно говорили в пользу данной версии. Сожженными оказались лицо и грудь. Вообще тело было голым, но завернутым в кусок упомянутого брезента. На ногах дешевые хлопчатобумажные носки и рабочие ботинки самого массового производства. Сильно сношенные, кстати.

– Какой-то он щупленький, – морщась от запаха, сделал вывод криминалист. – Почти безволосый, коротконогий. Вроде и не ребенок. Не русский, что ли...

– Почему? – без всякого интереса спросил следователь, быстро заполнявший бланк осмотра места происшествия.

– По строению тела.

Нестеркин стоял в стороне и старательно отмывал руки из бутылки с водой. Поливал дядя Саша, снизошедший до чуж-

дой ему деятельности. Участкового слегка подташнивало.

Олегу Хрусталеву было двадцать семь лет. Для журналиста это не мало, если ты себя им считаешь. Олег Хрусталев воспринимал себя именно таковым, а не просто сотрудником журнала «Крылья Отчизны».

Когда-то, еще в советские времена, это было ведомственное издание Министерства обороны по военно-авиационной тематике, предназначенное для молодежи. Потом финансирование стало падать, а с крахом Советского Союза необходимость в таких журналах вообще исчезла.

Но нашелся некий делец, который умудрился сохранить имя журнала, нашел спонсоров и продолжил выпускать издание, но уже как частное. Кинули смутные времена, на постсоветском пространстве укоренился капитализм, и появились люди, которые оказались заинтересованы в выходе этого журнала.

Идея была проста до предела. Во-первых, содержать журнал целиком – слишком накладно для военного ведомства, а вот заказывать статьи, информацию – вполне приемлемо. Вроде и работа по популяризации армии ведется, патриотическое воспитание имеет место, а денег тратится на это на несколько порядков меньше. При отчетах выглядит красиво во всех отношениях.

Правда, бюджетные статьи и репортажи распределялись в средствах массовой информации довольно откровенно. Мы

тебе заказ, безналично перечисляем из бюджета гонорар, а ты мне лично десять процентов неучтенной наличкой. То есть в конвертике. Устраивает – печатай, не устраивает – свободен. У нас газет и журналов по стране как... очень много.

Олег Хрусталев работал в журнале давно, почти пять лет. Он пришел в него сразу после окончания факультета журналистики. Парень начал работать в издании с военной тематикой вовсе не потому, что его отец был генералом. Причин было много.

Во-первых, Олег хотел вещать, да так, чтобы его слушали, в смысле – читали. Он полагал, что переполнен оригинальными мыслями и суждениями, что видит проблемы общества на всю глубину. Хрусталев был человеком амбициозным и прекрасно знал, что едва ли не все чиновники в нашей стране относятся к журналистской братии с осторожностью. Ты его чуть прижмешь, даже сам того не заметив, а он про тебя такое напишет, что доказывай потом наверху. А там ведь скажут, чтобы ты не давал повода журналистам, что надо уметь ладить с людьми, находить общий язык со всеми.

Была и последняя причина, почему Хрусталев пошел работать именно в такой вот журнал. Разлад с отцом произошел еще в студенческую бытность Олега. Этот скандал заставил его попытаться искать проблемы именно в военной среде, там, где жил и служил его отец.

Олег хотел доказать, что он очень умный, что нечего было его поучать, спорить с ним. Он гораздо глубже закоснело-

го отца. Именно сын генерала прославится тем, что вскроет самый главный нарыв нашей армии, покажет обществу суть проблем, их источник.

Сегодня Олег взбежал на четвертый этаж здания, где размещался офис «Крыльев Отчизны», и первым делом ринулся в кабинет главного редактора. Борис Моисеевич Тененбаум, умудренный опытом работы в журналистике еще с советских времен, посмотрел на молодого человека поверх оправы очков и сложил в трубочку полные влажные губы. Его пятнистая от веснушек лысина начала наливаться синевой.

В таких случаях любому сотруднику становилось ясно, что сейчас разразится гроза, последуют визгливые выкрики, начнет брызгать слюна. Толстый палец главного редактора станет тыкать то в материалы верстки, лежащие перед ним на столе, то в сторону окна, куда следовало бы вышвырнуть нерадивого работника. Потом указующий перст повернется в сторону двери, куда нерадивому работнику следует выйти и хорошенько подумать о том, что и как он пишет, где берет материал и что думает о сроках представления готовой статьи.

Все сотрудники редакции сразу узнавали хорошо знакомые признаки предстоящего разноса и становились послушными паиньками. Эта позиция была единственно возможной. Ведь Тентель, как за глаза называли в журнале главного редактора, быстро отходил, махал рукой и назидательно увещевал, чтобы оный работник обиды в голове не держал,

учел замечания и впредь не допускал подобного. Борис Моисеевич был отходчив, а кричал лишь по привычке, в силу своего характера и тяжелой редакторской доли.

Многие привыкли к этим крикам и не особенно-то переживали по такому поводу. Тененбаума даже любили за отходчивость, за то, что он никогда и никого из сотрудников в беде не оставлял. А еще Борис Моисеевич всегда держал слово, если давал его.

Олег Хрусталев был, пожалуй, единственным человеком в редакции, который к разносам Тентеля относился как к настоящим и активно пытался им противостоять. Может быть, именно поэтому их дружеские беседы всегда были слышны за два коридора от кабинета главного редактора.

Сегодня Борис Моисеевич повел себя странно, совсем не в соответствии с первыми признаками грозы. Такое с ним бывало, хотя и редко. Старожилы говорили, что спокойный Тентель – это явление, ничего хорошего не предвещающее. Сегодня он был именно таким. Только блестели черные как уголья глаза поверх очков, да чуть шевелились полные губы.

– Ну-ка сядь, – велел он Хрусталеву и наблюдал, как молодой человек усаживался в кресло и закидывал ногу на ногу. – Олег, ты вообще-то хочешь стать настоящим журналистом?

Эти слова прозвучали так зловеще, что вполне резонно было бы ожидать следом злорадного выкрика: «А вот хрен тебе!» Но Хрусталев не уловил интонации, которая говорила

о том, что вопрос чисто риторический. Он кинулся в атаку. Или, точнее, в контратаку.

– А я сейчас кто? – выпалил он. – Да я пять лет уже у вас работаю. У меня, между прочим, профильное образование, и пишу я получше некоторых в нашем коллективе! Не звезда! Но это, извините, не моя вина, а ваша. Где нормальное задание и актуальные темы? Вы меня заставляете заниматься всякой фигней, а потом спрашиваете! Я уже журналист! Меня с руками и ногами оторвут в любом издании!

Снова произошло чудо. Борис Моисеевич вдруг снял очки и подслеповато прищурился, протирая их мягкой тряпочкой. Его губы сложились совсем уже в куриную гузку и чуть побелели. Но выдержка у старого журналиста была могучей. Водворив очки на место, он откинулся на спинку кресла и взял в руки карандаш.

– Ты, дружок, рукоятку громкости поверни чуть-чуть против часовой стрелки, – хмуро посоветовал Борис Моисеевич. – Да немного головенкой своей подумай, где и на кого ты голос повышаешь. Ты журналист, в этой жизни все испытал и все понял, да? А перед тобой ребенок сидит, которого только вчера от сиськи отняли?

– Я не это имел в виду, – процедил Олег, начиная успокаиваться и понимая, что снова сорвался и погорячился. – Извините, конечно. Понимаю, что получилось грубо. Но когда меня попрекают возрастом и чужой виной, я всегда становлюсь раздражительным.

– Так вот, юноша, – пропустив его оправдания мимо ушей, заявил Борис Моисеевич. – Журналист – это человек, который очень четко понимает, что его слова и суждения будут читать многие тысячи людей. Они привыкли к тому, что в средствах массовой информации пишут только то, что есть на самом деле, используют лишь проверенные материалы. Что журналист – это больная совесть эпохи, кристально честный и чистый человек.

– А я...

– А ты работаешь не на читателя, а на самого себя.

– Ой, ладно вам. – Олег попытался рассмеяться. – А то я не знаю, как другие работают!

– Это в любом деле плохо, Олег, когда человек ради своей выгоды, собственного тщеславия перешагивает через другого, толкает его в сторону, зачастую в грязную канаву. А в журналистике это втройне плохо. Сегодня ты выхватил из-под носа человека, который работал над темой две недели, материал и использовал его, чуть переработав, чтобы не попасться на плагиате. Сегодня ты допустил нетактичность в адрес своего коллеги в тексте репортажа, а завтра что? Есть грани, Олег, а есть... грани! Это называется профессиональная честь.

– Зевать не надо! – довольно резко заметил Олег. – Время сейчас такое. Всего добивается только упертый, настырный...

– Наглый! Так это называлось во все времена. Темы я те-

бе серьезной не даю? А я боюсь это делать. Случалось такое, давал, а потом приходилось выбрасывать твою работу, потому что ты зарываешься, не видишь людей. Правду-матку резать нужно в строго определенные моменты общественной и своей личной жизни. Незачем постоянно выпячивать свою гражданскую позицию. Это демонстрация твоей человеческой и журналистской незрелости, дружок.

– Это вы слишком осторожны, – проворчал Олег. – Журналистика должна быть хлесткой!

– Журналистика должна быть умной.

Глава 2

Алене возвращаться в санаторий смысла не было, а вот Антон просто обязан был ночевать в своей палате. Иначе ему могли приписать нарушение режима и применить санкции вплоть до досрочной выписки. Поэтому он пива не пил, ограничился соками, а вот Алена дорвалась и одна выдула почти два литра «Балтики».

Расстались они в два часа ночи. Через пятнадцать минут Антон был уже возле ограждения, там, где очень удобно его преодолевать. Придерживаясь неосвященных участков на территории, он без приключений добрался до своего корпуса, открыл заранее подготовленное окно санузла на первом этаже, а потом тихо, прямо как привидение, скользнул на нужную лестницу.

Сегодня решилась его судьба. На медкомиссии было принято решение, что через пять дней, после рассмотрения результатов анализа крови и каких-то еще, его выпишут. Сегодняшний вечер с Аленой был чуть ли не прощальным, потому что завтра она отправлялась в командировку, из которой должна была вернуться только в день выписки Антона. Вот и закончился их роман.

На душе у Копаева было как-то беспокойно. Вроде бы никакой подлости, по взаимному согласию и без обязательств, а как-то... Или дело совсем не в Алене?

Два дня назад у Антона был неприятный разговор с одним типом. Тема простая: «Отвали от нее, у меня на нее серьезные виды!» И ответ был вполне в духе этой темы: «Решать ей, а не мне и не тебе». Ни угроз, ни тычков, ни замахов. Разошлись, обменявшись нехорошими взглядами.

А прав ли был Антон? Он перевел стрелки на Алену, хотя прекрасно понимал, что девушка, одурманенная их романом, никого и ничего вокруг не видит. Антон не намеревался продолжать с ней отношения. Так подло он поступил или нет? Это нормально для жизни? Он мучает себя этими мыслями лишь потому, что не хочет признаться самому себе в том, что ему приятно было бы продолжить необременительные отношения с Аленой? А вот это называется пользоваться ею, запудрив ей мозги.

Потом Антон добрался до своего этажа и понял, что его тревожные предчувствия никак с Аленой связаны не были. Просто она – самые сильные его впечатления за последнюю неделю, вот он и не разобрался в себе.

Телохранилитель пациента из третьей палаты сидел у стены, безжизненно уронив руки на мягкую кушетку. Лицо его при дежурном освещении выглядело очень уж белым, совершенно безжизненным. Второго охранника на месте не было, хотя Антон представления не имел, каков у них режим работы по ночам. Может, он сейчас в палате или же его вообще тут нет? Кто их знает?

Антон подошел к парню и присел перед ним на корточки.

Ни крови, ни признаков телесных повреждений. Ага, губы синеют! Значит, контактный яд. Может быть, неожиданный укол. Копаеву хотелось думать о самом страшном. Если убит охранник, то что приключилось в палате, обитателя которой этот парень оберегал? Телохранителей, как правило, убивают именно для того, чтобы добраться до их подопечных.

Антон поднялся и посмотрел на стекло, которое изнутри было плотно закрыто вертикальными жалюзи. Естественно, ведь это же VIP-палата. Подойдя к двери, Антон намотал на руку носовой платок и нажал на ручку. Створка послушно и тихо отворилась.

В помещении было не совсем темно, потому что у стены на столике горел ночник для дежурной сестры. Немного света проникало через жалюзи на окне, отделявшем палату от коридора. В этом свете было хорошо видно, что мужчина свесился с кровати и касался рукой пола. Живые так не спят!

Антон развернулся и побежал на пост дежурной сестры.

– Итак! – Следователь смотрел Антону в глаза так, как будто пытался просверлить его насквозь. – Что вы делали ночью в коридоре вашего этажа?

– Я же говорил вам, что нарушал режим, – терпеливо ответил Антон. – Я удирал в город развлекаться. Вернулся около двух часов ночи и увидел мертвого парня.

– Кто может подтвердить, что вы были в городе? Есть свидетели того, что вы мотались по кабакам, а не оставались в

своей палате?

– Слушайте, не морочьте мне голову. Это вы должны доказывать, что я вру, а не я вам, что говорю правду. Не знаю я, кого вам в свидетели привести.

– Почему вы поняли, что человек в коридоре мертв? – сменил тему следователь.

– По позе! Живые так криво не сидят. Тем более с открытыми глазами и посиневшими губами. А еще я ему артерию потрогал.

– А почему вы кинулись проверять обитателя третьей палаты?

– Да потому, что телохранителей убивают именно для того, чтобы потом напасть на того человека, которого они охраняют. Это же очевидно!

– Почему вы решили, что мертвый человек был охранником, да еще именно обитателя третьей палаты?

Антон застонал и стал объяснять, почему он понял, что парень в коридоре – телохранитель, у которого был напарник. Кстати, по ходу допроса он понял, что второй охранник тоже убит. Это произошло в общем туалете этажа. Свое собственное положение Антон теперь оценивал как не очень приятное, но выдавать Алену не считал возможным. Это было бы просто не по-мужски. Нельзя афишировать их связь.

Следователь замолчал, что-то дописал в бланке допроса, потом сунул его Антону. Копаев бегло пробежал документ глазами, поставил свою подпись на каждом листе и вернул

следователю.

Второй человек сидел на кровати Антона и молчал во время всего допроса. Он не встал, только проводил глазами вышедшего следователя.

Потом этот тип с улыбкой посмотрел на Антона и сказал.

– Я понимаю, что следователь показался вам страшным занудой.

– Отнюдь! Это его работа.

– Ладно-ладно! Показался ведь? Но главное не это. Скажите, а вы догадались, кто этот человек, который лежал в третьей палате, и почему его охраняли?

– Даже не задумывался. Так, отметил про себя, что у него есть пара телохранителей, и все.

– А зачем вы закурить просили у охранника? Вы ведь не курите!

Антон поперхнулся. Даже это они знают. Что это за тип, из какого ведомства?

– Долго объяснять, – наконец-то сказал Антон. – Я просто дурачился. Это ведь элитный санаторий, сюда не каждый попадет.

– А вы попали. Я посмотрел вашу карточку и, представьте себе, удивился. То, что там не указано место работы, и то, что вы его не назвали следователю, – это еще полбеды. Проблема в том, что вы тут проходите реабилитацию после сложного пулевого ранения.

– Несчастный случай на улице, – тут же брякнул Антон. –

В наше время, вы не поверите, на руках у населения имеется чересчур много оружия. Того и гляди нарвешься на пулю в самый неожиданный момент.

– Опять дурака валяете. – Собеседник Копаева понимающе улыбнулся.

– Отнюдь! Пытаюсь объяснить.

– Опять это словечко – «отнюдь», да и ирония, неуместная в такой обстановке. Ведь вы прекрасно понимаете, что я из силового ведомства и хорошо осведомлен о криминогенной ситуации в стране. При этом вы разговариваете со мной как с дилетантом. А ведь ваше проживание и лечение тут оплачено неким господином Веденским. Почему он о вас так заботится, тем более после получения вами пулевого ранения?

– И что? – Антон пожал плечами. – Все это не имеет никакого отношения к здешнему случаю.

– Не скажите. – Незнакомец снова улыбнулся. – Вы вот не спрашиваете меня, откуда я и кто такой. Значит, понимаете. Вы тут по серьезной причине. У вас наметанный глаз на подобные вещи. Теперь вы понимаете, почему я терплю ваши выходки и улыбаюсь вам, не так ли?

– Напрочь не понимаю, – отрезал Антон.

– А потому, что вы с вашим опытом и наметанным глазом могли заметить еще что-нибудь интересное, важное и полезное для следствия.

– Я уже имел неосторожность быть откровенным со сле-

дователем. По дурости я ему честно признался, где провел половину ночи и как оказался в коридоре. А мог бы заявить, что ходил пописать.

– Не могли. У вас VIP-палата. В ней имеется отдельный санузел.

– Представляете, забыл спросонок. По привычке ринулся в общий туалет, а когда окончательно открыл глаза...

– Ладно-ладно. Так что вам мешает помочь нам в расследовании?

– Вы сами. Этот ваш следователь, который сразу начал меня подозревать. Не нравится мне быть козлом отпущения, без всяких доказательств назначенным на должность виновного.

– Но вы ведь понимаете, что подозревать следователь должен всех, на чей счет есть сомнения. А на ваш их очень много. Главное в том, что вы первым потоптались на месте преступления и вошли в палату к убитому. Это нормально, что вас подозревают. Убийце логично было бы разыграть такую роль и намеренно наследить.

– Супер! Значит, я чуть ли не главный подозреваемый.

– Может, так оно и есть. – Представитель некоего силового ведомства снова улыбнулся. – Чтобы помочь самому себе, вы должны оказывать нам содействие. И наши сомнения рассеете, и на след преступников выведете.

Антон ничего не рассказал Алене, но задумался о том, как выбраться из этой ситуации. Проще всего было объявить

о своем истинном статусе работника полиции. Не ахти что – капитан с Урала, но все же не темная личность, которая непонятно где работает и чем живет.

Но правила есть правила, и Антон молчал. Он даже не собирался сообщать Быкову о происшествии, понимал, что Алексей Алексеевич и так постоянно занят делами по самые уши. А тут его подчиненный, поправляющий здоровье в элитном санатории, умудрился вляпаться в историю и просит помощи. Стыдно, товарищ капитан! Вас ведь за хорошего опера держат в управлении!

Алену начали допрашивать на второй день. Ни в какую командировку она конечно же не поехала. Кто-то из персонала или из отдыхающих проболтался об их отношениях с Копяевым.

Ничего не подозревающая девушка выболтала все, развязав тем самым Антону руки и косвенно разрешив ему тоже рассказать подробности той злополучной ночи. Это не сняло с него подозрений, но хотя бы пролило свет на темную часть истории.

Но теперь и Алена поняла, что Антона серьезно подозревают. Более того, она сама стала смотреть на него настороженно. Их отношения особенно не изменились, но секса больше не было.

На третий день она влетела в его палату с широко раскрытыми глазами и с порога заявила:

– Антон, там по твою душу приехали двое мужиков само-

го что ни на есть страшного вида. Один представительный, прямо как прокурор, а второй невысокий, рыжий, с глазами хладнокровного убийцы или палача.

– Что-что? – Антон рассмеялся. – Ты, Аленка, с утра что курила? Какие палачи и прокуроры? И почему ты решила, что они прибыли по мою душу?

– Ты не смейся! У меня подруга есть, которая их видела и слышала разговор о тебе. А она врать не будет. У нее глаз как шило!

– Так!.. Значит, приехали и спрашивали обо мне?

По коридору затопали решительные шаги, властный голос приказал кому-то удалиться. Алена зажала рот рукой и отпрянула к стене, напряженно глядя на дверь. Створка распахнулась.

– Вот он, голубчик! – Глаза полковника Быкова, как и всегда, смотрели без всякого выражения, но губы растянулись в жутковатой улыбке, как будто по поверхности рыжевато-бурого камня поползла трещина. – Конечно же с женщиной.

– Можете идти! – строго проговорил второй визитер, в котором Антон узнал заместителя министра внутренних дел.

В прошлом году тот вручал ему в госпитале орден «За заслуги перед Отечеством».

Антон подождал, пока Алена юркнет за дверь, поморщился, увидев, каким взглядом Быков проводил девушку. Он сразу представил, какого рода шуточки на него теперь посыплется со стороны шефа. Шутки шутками, но Быков ча-

стеняко упрекал Антона в том, что ему следует больше думать о работе и меньше о девушках. Вот он опять, как назло, застал его в обществе весьма сексуальной особы.

Он как в воду глядел!

– И опять мы застаем тебя в обществе весьма сексуальной особы, – проворчал Быков.

– Ну, дело молодое, – остановил его генерал, подошел к Антону и крепко пожал ему руку. – Я весьма рад, Копаяев, что вы на хорошем счету, работаете успешно и вполне оправдываете награду, врученную мною. Жаль, что встреча наша снова происходит в больничных стенах, но дело есть дело. Изложите суть, Алексей Алексеевич, на правах начальника.

Антон подозрительно посмотрел на Быкова и на заместителя министра. Что-то непохоже было, чтобы они снова приехали награждать его. Да и не за что пока. Ничего особенного он не совершил. Да и Быков сегодня какой-то слишком угрюмый. Не случилось ли какой большой беды в Екатеринбурге? Хотя генерал выглядел не встревоженным, а деловитым и довольным. Странный визит, очень даже. Только Алену перепугали. Надо же, какие ассоциации вызывает Быков у неподготовленных людей!

– Давайте для начала все сядем, – предложил тот, указал генералу на кресло возле стены и пододвинул стул так, чтобы самому сесть лицом и к заместителю министра, и к Антону. – Ну вот. Видишь ли, Антон, ты достаточно долго работал по внедрению в различные преступные группировки

и по другим делам. Трудился ты успешно, о чем я сегодня и докладывал в министерстве.

– Что-то случилось? – не утерпел Антон.

– Пока еще нет, но вполне может, – проворчал Быков очень недовольным тоном. – Ты должен понимать, Антон, что Екатеринбург, да и вся Свердловская область довольно велики по площади и населению. Но за это время ты успел засветить свое лицо. Тебя могут уже начать узнавать по предыдущим операциям, а это приведет к срыву очередного задания. Гарантировать ничего нельзя, но если тебя кто-то из преступников опознает, то последствия могут оказаться очень и очень неприятными. Не делать же тебе пластическую операцию!..

– Юноша может подумать, что мы пришли объявить ему об увольнении из органов, – вдруг с улыбкой заявил генерал. – Вы бы, Алексей Алексеевич, как-то поаккуратнее со словами. Ваше руководство, товарищ капитан, да и министерство, интересы которого я представляю, весьма довольны вашей работой в полиции. В силу сложившихся обстоятельств мы предлагаем вам перейти на работу в центральный аппарат нашего ведомства. Конкретно – в главное управление собственной безопасности. Как вы?.. – Генерал окинул присутствующих торжествующим взглядом.

Антон смотрел на Быкова и понимал, что таким он своего шефа еще не видел. Полковник Быков умел не только ворчать и плоско шутить про Антона и девушек. На его лице,

прежде всегда каменном, теперь проступала целая буря эмоций.

«Оказывается, он способен и на это. Сдает Алексей Алексеевич, причем сильно», – подумал Копаев.

– Ты пойми, Антон, – проговорил Быков, глядя в пол после слишком затянувшейся паузы. – Может сорваться тщательно подготовленная операция, уйти от возмездия преступник, пострадать люди, твои же товарищи.

– Да понял я, – тихо сказал Антон. – Значит, мне придется уезжать? В Москву?

– Это же хорошо! – с восторгом произнес генерал, сидевший где-то сбоку. – Столица, масса возможностей, головокружительные операции по всей стране. Это размах, перспективы, карьерный рост конечно же! У них почти все должности полковничьи.

– Да, – так же тихо ответил Быков, игнорируя заместителя министра. – Наверное, пришло время. Это нужно и для дела, и для тебя.

– А могу я подумать? – морщась от того, что сбоку все продолжал бубнить голос генерала, спросил Антон.

– Смысл?..

– Большой! – Антон дернул плечом. – Там у меня мама похоронена, мой дом, все, чем я жил.

– Будешь приезжать, навещать могилу матери, меня, старика.

– Слишком много связано с прошлым, – задумчиво про-

изнес Антон.

– Надо взрослеть, Антон. Пора уже.

– Да-да, я слышал вашу историю, – проговорил генерал. – Это большая трагедия, да еще в юном возрасте. Соболезную, хотя и времени прошло уже много. Но вы сильный юноша! Я понимаю, что в органы вас привела жажда мести, что для вас работа полицейского – это своего рода дань, долг.

– Дань и долг – разные вещи, – ответил Антон. – Дань платят подневольно, долг отдают по велению души. Алексей Алексеевич вон тоже когда-то считал меня чуть ли не мстителем, этаким Робинотом Гудом. Хотя, наверное, так и было. Сейчас я просто понимаю, что кто-то должен сознательно и предельно честно бороться с теми, кто творит черные дела, прикрываясь погонами полицейского. Пора взрослеть, говорите? – Антон повернулся к Быкову: – Наверное, это произошло, Алексей Алексеевич. Видимо, вы правы, как и всегда. Я не помню своего отца, но за эти почти три года вы мне стали как отец. Вы научили меня быть мужчиной, сражаться, подавали мне пример во всем.

– Мне тоже всегда не хватало сына, – не глядя Антону в глаза, сказал Быков, поднял голову, посмотрел на генерала и заявил: – У меня ведь в семье одни девки. Такая вот участь!

И Быков снова стал самим собой. Холодный, жесткий как бетонная или гранитная глыба. Профессионал без нервов и эмоций, гроза всех оборотней в погонах в Свердловской области. Мелькнуло в нем теплое, человеческое и снова скры-

лось от окружающих. Но Антон успел это почувствовать. Это было как разрешение, напутствие.

– Я согласен, раз так надо, – твердо заявил он.

– Ну, кто бы сомневался! – Генерал рассмеялся. – Не помню такого, чтобы кто-то отказывался от перевода в Москву, да еще в главк.

– Разрешите вопрос? – Антон прищурился. – Вы недавно произнесли интересную фразу, сказали, что у них там почти все должности полковничьи. Почему «у них», а не «у нас»?

– Да потому, товарищ капитан, что главное управление собственной безопасности подчиняется только министру внутренних дел, лично ему и никому больше, – назидательно ответил генерал. – Сами понимаете, специфика. А я приехал к вам потому, что вы меня знаете и помните. Да и Алексея Алексеевича мне уговорить было проще. Видеться мы с вами будем редко, но, ежели что, всегда буду рад. Я весьма уважаю достойных офицеров.

– А еще тебе сразу будет задание, Антон, – вставил Быков. – Я приехал еще и потому, что до момента твоего назначения в главк остаюсь твоим непосредственным начальником, принимаю решение о твоем участии в операции, проводимой в чужом регионе. Формально именно я должен был дать добро на это.

– Да, правила надо соблюдать, – подытожил генерал. – Значит, дело в следующем. Человек, которого убили в соседней палате, был не простым. Это некто генерал-майор

Хрусталеv из спецстроя. Ты, наверное, знаешь эту организацию. Она осуществляет все строительные и монтажные работы для военных нужд силами специализированных частей нашей армии. Хрусталеv курировал несколько важных объектов. Есть предположение, что мотивом убийства была его профессиональная деятельность. Дело сложное, поскольку погиб один из высших офицеров армии. Тут завязаны и военная прокуратура, и гражданская, и следственный комитет, и даже главное управление уголовного розыска. Но ты, Копяев, единственный работник полиции, опытный оперативник, который волею судьбы оказался в самой гуще событий, буквально в их эпицентре. Поэтому и принято решение подключить тебя к этому расследованию, хотя оно и проходит не по вашему ведомству.

– Как были убиты все трое?

– Охранники, кстати, опытные ребята – офицеры военной контрразведки, убиты весьма экзотическим способом. Что-то типа пневматического оружия, духовой трубки, из которой беззвучно вылетает тоненькая стрелочка. Ее кончик смочен сильным ядом практически мгновенного действия.

– Значит, генерал убит другим способом?

– Правильно уловил. – Быков с довольным видом кивнул и торжествующе посмотрел на генерала.

Вот, мол, они, мои кадры.

– Есть основания полагать, что убийц было двое. Один нейтрализовал охрану, второй совершил покушение непо-

средственно на генерала. Ему не пришлось стрелять или применять иное насилие. Он просто отключил аппаратуру, которая поддерживала жизнеобеспечение раненого генерала. Несколько секунд агония и смерть. Ты, наверное, понял это по положению тела, когда оказался в палате.

– Почему генерала охраняла контрразведка? Были основания опасаться за его жизнь?

– Это второе покушение на Хрусталева. Первое оказалось не очень удачным. После него он и был перевезен сюда. Хрусталев направлялся на своей служебной машине на Лыкинский полигон. Их расстреляли на дороге.

– Что за полигон?

– Это старое название. Сейчас, собственно, это и не полигон, а территория завода по утилизации неиспользованных боеприпасов. Но ты, Копаев, не замыкайся на одном этом объекте, а то чисто психологически не сможешь отработать все линии.

Владислав Тertiшный пришел на «Сармат» три месяца назад. Новый завод, суперсовременное предприятие по утилизации военных боеприпасов – все это влекло молодого специалиста-эколога, который только в этом году закончил университет. В настоящее время во всех крупных производственных структурах в обязательном порядке имеется отдел охраны окружающей среды. В него-то Тertiшного и взяли.

Владиславу предприятие очень нравилось. Все современ-

ное, от отделки помещений до оборудования пожарной безопасности, не говоря уже о поточных конвейерах и технологических комплексах. А еще тут было очень много молодежи.

Владик выделялся не только своей длинной и нескладной фигурой. Он очень старательно и творчески подходил к своим обязанностям. В рабочее время парень, как и положено, занимался отчетами, программами контроля, получением данных на стационарных точках, называемых станциями, которые были установлены не только на территории завода, но и вокруг него.

С первого же дня Владик решил для себя, что он не будет замыкаться в рамках должностных инструкций. На материале, который скоро окажется у него в руках, можно построить настоящую научную работу. Главное – собрать данные, а потом в аспирантуру, соискателем на любую кафедру, в какой угодно институт, лишь бы было по профилю.

Тертишный уже представлял себе, как он собирает на территории района данные природного характера, сравнивает их с показателями, полученными на заводе. Вот тебе и научная работа, готовые выводы.

Владик с упоением принялся искать базовые данные. Прежде всего он раздобыл самое главное: ландшафтную схему района, перечень и характеристики самых различных предприятий, включая и фермерские хозяйства.

Но чем больше Владик погружался в тему своей научной

работы, тем яснее он понимал те сложности, с которыми ему придется столкнуться. Во-первых, не будучи географом, он практически не понимал символов и терминов ландшафтной схемы. Раньше он полагал, что попади она в его руки – и половина работы будет сделана.

Вторая проблема была связана с временными рамками. Тertiшный не сразу понял, что ему понадобятся многолетние данные, сведения по сезонам. Раньше он не задумывался о том, что придется проводить и макроклиматические наблюдения, а такие приборы имелись лишь на заводе и на станциях, расположенных вокруг него. Еще нужны различные характеристики водоемов и речушек, овражно-балочной системы, многолетние данные по осадкам. Химический анализ сточных вод, почвогрунтов и растительности, в частности коры деревьев, данные по дождевым осадкам, снегомерная съемка... А сколько ему нужно будет вырыть почвенных шурфов?

Но Владик Тertiшный был не таким человеком, чтобы быстро сдаваться. Объем предстоящей работы не пугал его, а лишь подстегивал к действиям. Не хватает базовых знаний – значит, надо их получить! Нет денег для оплаты работы лаборатории? Стало быть, придется их найти, заработать, подумать, что продать, задействовать какие-то личные связи. А вот как быть с тем, что ему одному просто физически не успеть проделать такой огромный объем работы? Нужны союзники, единомышленники. Найти каких-нибудь

экологов-энтузиастов!

Владик отправился к своим преподавателям на кафедру промышленной экологии в вуз, который он оканчивал. Но прилив научного энтузиазма вчерашнего студента там ни у кого восторга не вызвал. Нет, конечно, его хлопали по плечам, ему аплодировали, улыбались, солидно кивали, но на этом все и закончилось.

И тут Владика повезло. Он встретил в коридоре профессора Тихомирова. Тот не числился в штате кафедры, а был, как это называется, «почасовиком». Он уже давно вышел на пенсию, но никак не мог порвать с работой, хотя из МГУ ему пришлось-таки уволиться из-за интриг куда более молодых и настырных профессоров и доцентов. Он два раза в неделю читал пару спецкурсов для студентов кафедры. А еще Тихомиров, как знал Владик, был самым настоящим физико-географом, в отличие от других преподавателей кафедры, по преимуществу инженеров.

– А-а, Тертишный! – Старичок-профессор подслеповато щурился через ветхие очки, глядел на Владика снизу вверх и грустно улыбался. – Тянет в родные стены?

– Тянет, Иван Сергеевич, очень даже, – искренне ответил Тертишный. – Я посоветоваться приходил, только мало что у меня получилось. Как же хорошо, что я вас встретил! Уж вы-то специалист как раз такого профиля, который мне и нужен.

– Приятно наконец-то узнать, что ты кому-то еще требуешься. – Профессор грустно улыбнулся. – Ну что же, может,

нам выйти и посидеть на улице? С удовольствием вас выслушаю.

Они уселись на лавке у стен учебного корпуса, и Владик захлебнулся принялся излагать свою идею насчет научной работы и темы, за которую он ухватился.

– Ну, юноша, вы, конечно, замахнулись! – Профессор покачал головой. – Если вы в одиночку возьметесь за целый муниципальный район, то погрязнете в этом деле на десятилетия. Данные, полученные в первые годы вашей деятельности, неизбежно устареют. Эта тема не для самостоятельного изучения. У вас нет за спиной вуза или научно-исследовательского института со своей тематикой. И еще одна беда – вы не специалист в той теме, на которую замахнулись.

– Но все-таки диплом у меня есть. – Вадик робко улыбнулся.

– Эх!.. – Лицо профессора скривилось. – Вот она, беда нашей страны, которая некогда славилась своим образованием. Я не хочу вас обидеть, Владислав, потому что вашей-то вины в этом нет. Вы исправно изучали те дисциплины, которые вам преподавались, даже постигли науку самообразования. Самое важное в вузовской системе – научить человека учиться, потому что в стенах альма-матер дать ему все невозможно. Беда в другом – в том, что в угоду бизнесу у нас открывается масса вузов, которые ничему толком не учат. Это ведь бизнес – собрать деньги с коммерческих групп, получить бюджетные средства и сделать вид, что вы кого-то че-

му-то учите. Не расстраивайтесь, но вы ведь не эколог, не ученый. Вам написали это слово в дипломе, присвоили квалификацию по установленной специальности, а она весьма усеченная. Настоящие экологи на заводах никому не нужны. Дорого это. Вот вас и готовят таких, и не инженеров, и не экологов.

– Я помню, вы на лекции говорили нам о происхождении этого термина.

– Вот-вот. Термин остался, а смысл его изгадили, истаскали по газетам туповатые журналисты, а по трибунам – такие же депутаты. Безграмотность у нас приобретает чуть ли не государственные масштабы. Дошло до того, что уже в прямом эфире в новостях по телевидению заявляют, что некие стратегические ракеты у нас нацелены на Европейский континент. С каких это пор Европа у нас превратилась в континент, в материк? Эколог, друг мой, это прежде всего специалист широкого профиля, в основе которого лежит физико-географическое или биологическое образование. Я приемлю два основных понимания термина «экология». А вы всего лишь специалист по инструментальному наблюдению и проведению самых простых анализов.

– Мне никто не захотел помочь. – Владик обреченно опустил голову. – Подхватывают, поздравляют, а толку...

– Не хочу говорить ничего плохого о своих коллегам, потому что это неэтично. Но в данном случае я буду не злословить, а объективно оценивать. У вас на кафедре настоя-

щих специалистов экологов-то и нет. Есть люди, худо-бедно разобравшиеся в основах предмета, по которому они читают лекции. Шаг вправо, шаг влево, и все – сплошные пробелы и профанация. Не тот вы вуз окончили, вот что я вам скажу.

– Значит, мне придется бросить эту затею? – загробным голосом спросил Тертишный.

– Отчего же? – Тихомиров вдруг повеселел. – Ломоносов вон в более чем не юношеском возрасте отправился науку постигать, и ничего. Величайшим ученым стал, редким энциклопедистом. Многие науки прославил, в художественных вопросах имел таланты. Кто же вам мешает? Более того, я могу постараться и помочь. Сердце не терпит, хочет учить пытливые умы. Староват я для многого, в поле с вами уже не поеду. Но советом помогу, словечко еще кое-где способен замолвить, попросить кое-кого о помощи или снисхождении.

– Правда? – Владик подскочил на лавке. – Вы верите, что у меня может получиться?

– Было у меня впечатление, что вы студент старательный. Отчего же не получится? Энергия нужна, страсть и стремление к цели. Вот и все. Вы молоды, еще можете все впитывать как губка. Старайтесь, учитесь, постигайте. Для начала вам нужно усвоить комплексный подход к изучению проблемы. Помните самые главные законы природы? – Старичок хитро прищурился.

– Помню! – Владик расплылся в улыбке. – Здорово тогда вы нам на многое в природе глаза раскрыли. Как там у вас

сказано было?.. Причина в природе никогда не бывает только одна.

– И в природе, и в человеческом обществе тоже. Они ведь едины. Всегда и всюду все взаимосвязано. Вот отсюда и пляшите, как от той самой печки.

– Помогите мне разобраться с ландшафтной схемой. Честно скажу, что почти ничего в этом не понимаю.

Тот факт, что меньше всего людей в морге по вечерам, Антон понял еще вчера. Разумеется, речь только о живых людях, потому что для его дела именно они и были препятствием. Ночью идти туда тоже было нельзя, потому что все внутренние двери запирались на ключ. С таким количеством замков он не справится, а чтобы попасть в служебный кабинет патологоанатомов, ему пришлось бы вскрывать аж четыре двери.

«Нет, – решил Антон. – Только вечером. Студенты уже ушли, вскрытия не производятся, да и специалисты расходятся по домам. Остается дежурный санитар внизу. Если выбрать подходящий момент и спрятаться, то спокойно можно посмотреть материалы вскрытия как самого генерала Хрусталева, так и его водителя. В каком-то смысле это везение, что оба тела вскрывались в одном и том же морге.

Интересно, а почему мне просто не предоставили эти материалы? – в который уже раз принялся размышлять Антон. – Этот приказ прозвучал немного странно. Мол, все, что

необходимо, вам уже предоставлено. Остальное интереса не представляет, этим, дескать, занимается официальное следствие. Хорошо, я оперативник, но ведь должен знать, как убили водителя. Если это не имеет значения, значит, там нет ничего необычного, не так ли? Или кто-то умышленно тормозит мою работу? Такое тоже возможно. Когда убивают генералов, всегда всплывают мощные действующие силы.

Ладно, сам разберусь и получу то, что мне нужно!»

С такой вот уверенностью Антон и вошел в здание морга. Старое, двухэтажное, сложенное из красного дореволюционного кирпича, оно казалось непоколебимым и вечным. Или это аура смерти витала над ним и создавала незримые иллюзии?

Антон беспрепятственно преодолел холл первого этажа, на минуту затерялся в толпе студентов-медиков, которые шумели, снимая и складывая халаты и синие бахилы. Вахтерша не обратила на него никакого внимания, скорее всего даже не увидела, потому что отвернулась в подходящий момент.

Потом Антон оказался возле белой двустворчатой двери, которая вела во внутренние помещения. Сейчас она была открыта, и Кобаев этим незамедлительно воспользовался. Короткий коридор шел в обе стороны, а прямо перед Антоном была лестница, ведущая на второй этаж. Сверху кто-то спускался. Быстро оглядевшись, Антон подбежал на цыпочках ко второй справа двери, которая была приоткрыта. Он сунул

туда голову и убедился в том, что в комнате никого нет.

Пока были слышны голоса двух мужчин, спускавшихся по лестнице, Антон осматривался. Кажется, это была комната санитаров. Или уборщиц? Неважно, а вот халат на вешалке-стойке вполне может подойти. Антон быстро сорвал его, надел и снова выставил голову в дверной проем. Никого. Он не хотел смотреть в глаза встречным, боялся, как бы в нем сразу не опознали постороннего человека, поэтому опустил голову и двинулся по лестнице на второй этаж.

Судя по плану здания, который он нашел в Интернете, первый этаж занимали собственно мертвецкие – те самые комнаты, где хранились тела. На втором располагались различные лаборатории, учебные и административные помещения. Он свернул направо. Одна, вторая, третья комната... ему нужна четвертая от лестницы.

Тут дверь перед ним открылась. Человеку, который выходил, что-то помешало, и он замешкался в дверном проеме. Этого мгновения Антону хватило. Он рискнул и юркнул в предыдущее помещение. Заскочив внутрь, Копяев буквально налетел на небольшой металлический столик, стоявший посреди комнаты, на котором лежало нечто накрытое белой простыней. Антон зацепился за нее локтем, нечаянно стащил ткань, и перед его глазами предстало обнаженное тело.

Антон замер, напряженно прислушиваясь и в то же время чувствуя, что не может оторвать взгляд от покойной. Это была молодая женщина. Прекрасно сложена, идеальна по про-

порциям, но до невероятности белая, почти мраморная. Точеные черты мертвого лица, волосы, разбросанные по подголовью, и безобразный грубый выпуклый шрам со стежками ниток от подбородка до самого паха.

В этом была какая-то магия смерти, сочетания красоты и ужаса, совершенства и небытия. Антон невольно подумал, что в этом мире, наверное, всегда существовали и будут существовать две крайности, противоположные грани, которые и рисуют узоры бытия.

Антон повидал на своем веку достаточно трупов, даже более безобразных, чем этот. Но только теперь он увидел и почувствовал, что существует еще одна сторона смерти. Это тело было реликвией некоего храма. Жрецы его ходят сюда каждый день. Они служат здесь человеку, жизни, но в то же время поклоняются и смерти. Как можно постоянно находиться в этой ауре и сохранить здравый рассудок?..

Додумать эту неприятную мысль Антон не успел. Каким-то шестым или седьмым чувством он уловил, что в коридоре находится человек, который сейчас войдет сюда. Спрятаться в комнате было практически негде. Правда, вот еще какая-то дверь со стеклом посередине.

Раздумывать было некогда. Антон попятился к этой двери, нащупал ручку, повернул ее вниз и только потом ощутил, что она необычно холодная. По ногам из-за двери потянуло настоящей стужей. В данном помещении возникала только одна ассоциация – с могилой.

Антон не глядя шагнул в темную комнату, свет в которую проникал лишь через стекло в двери. Он сразу сместился вправо от дверного проема, прижался спиной к стене и только теперь посмотрел, куда попал. На железных лавках справа и слева от прохода лежали тела с такими же безобразными зашитыми брюшинами. Задранные подбородки, скрюченные пальцы синих рук с почерневшими ногтями.

Дверь тихо и плотно закрылась, отделив Антона от мира живых людей. Он судорожно сглотнул и закрыл глаза. Копеев стоял, прижавшись к ледяной стене, и мог только догадываться, что же происходило сейчас в той комнате, где на столике лежала девушка.

Два равнодушных санитаров что-то проворчали там, подняли с пола простыню и укрыли ею тело. Потом один из них развернул столик на колесах и покатил его. Второй открыл дверь в комнату, где спрятался Антон. Каталка тихо въехала, дверь снова закрылась с негромким чмокающим звуком.

Единственная мысль, которая трепыхалась в голове Антона, была о том, чтобы не услышать звука ключа, поворачивающегося в двери. Только не это, потому что створка была железная, а стекло в ней толстое или даже двойное.

Антон находился в холодильной камере. Выломать дверь он не сможет. Не дай бог остаться здесь на ночь, долго мерзнуть, не столько неприятно, сколько бессмысленно потратить время, а утром попасться администрации и долго-долго объяснять, что от тут делает. Черт! Конечно же ему больше

всего на свете не хотелось провести ночь среди трупов.

Он выждал несколько минут после того, как в комнате выключился свет, потом нашарил ручку на двери. Ну! Ладонь надавила сперва легко, потом сильнее. Ручка подалась и повернулась. Наконец дверь распахнулась, и Антон вышел в темную комнату. Он с очень большим удовольствием закрыл за собой дверь в холодильную камеру и поежился. Несмотря на то что здесь температура была довольно высокой, его не оставлял озноб.

«Ладно, сыщик, если ты тайно пробрался в морг, то нечего разыгрывать из себя сопливого школьника», – подумал Копаев.

Как он и ожидал, дверь в коридор не открывалась. Санитары ее заперли, но замок тут был самый обычный, английский. Достаточно было изнутри покрутить ручку, чтобы собачка скользнула в сторону.

В коридоре было тихо и темно. Антон добрался до нужной двери. У него была при себе универсальная отмычка, изготовленная отнюдь не в лаборатории, действовавшей при управлении Быкова. Это творение инженерной мысли досталось Антону от одного уголовника, специализирующегося по квартирным кражам.

Он ввел в замочную скважину две тонкие пластинки. Теперь надо развести их вверх и вниз таким образом, чтобы они выдавили из набора дисков те, которые могли двигаться и, собственно, запирали замковое устройство. Так, получи-

лось!.. Теперь надо попытаться повернуть. Пошло!.. Отлично! Антон вытащил из замка свою отмычку, вошел в комнату и прикрыл за собой дверь.

Теперь осмотр. Первое и самое важное – это окно. Выходит оно во двор, где нет фонарей. На нем вертикальные жалюзи, но не плотные. Если включить лампочку, то с улицы это будет видно.

Так рисковать нельзя, поэтому Антон использовал только слабый светодиод со стеклышком рассеивателя. Если наклониться над листом бумаги, то вполне можно читать.

Теперь шкаф с папками. Антон потратил несколько минут на то, чтобы найти копии актов о вскрытии, потом определился по датам и начал просмотр бумаг уже по хронологии. Вот нужное число, есть и фамилия. Барков Дмитрий, 36 лет. Вскрытие проводила Л. И. Панкратова.

Для того чтобы сделать фотографии камерой, встроенной в телефон, Антону пришлось залезть под стол и накрыться своим же халатом. Вспышка, конечно, слабая, но лучше не рисковать. Наконец-то содержание документа было переснято.

Теперь надо сразу же отправить его по электронной почте себе на компьютер, на свой адрес. Все, фото можно стереть, и не останется никаких следов. Правда, выбираться из здания все равно придется с максимальной осторожностью. Если он попадется, то вынужден будет объяснять, каким чудом его сюда занесло. Копаева как минимум сочтут за вора-неудач-

ника.

Свой отход Антон продумал заранее. Эта идея пришла ему в голову именно тогда, когда он понял, что окна нужного кабинета выходят во двор соседнего нежилого здания. Копачев вышел в коридор, добрался до туалета, снова прислушался, а потом вошел внутрь. Здесь тоже было темно. Теперь окно. Поворот ручки – и створка послушно отошла в сторону. Антон уселся на подоконник, перебросил наружу одну ногу.

Старинное здание, обилие всевозможных сложных архитектурных форм в виде выступов. Старый крепкий кирпич! Антон лег животом на подоконник, нащупал ногами нишу, сунул в нее носки ботинок. Теперь руку вправо, нащупать промежуток между кирпичами. Ногу в ту же сторону, за ней вторую, теперь другую руку. Ну, пошли!

Через пару минут Антон наконец-то спрыгнул на землю. Уф, дело сделано, а два ободранных пальца и ушибленное колено не в счет.

Прислушавшись и убедившись в том, что во дворе нет никого, кто стал бы свидетелем его альпинистских упражнений, Антон тихо двинулся к углу здания. Теперь ему осталось преодолеть один освещенный участок и удалиться по улице в сторону остановки общественного транспорта. Там во дворе дома стояла машина, выделенная ему на время проведения этой операции, неприметный черный «опель».

Возле угла Антону пришлось остановиться, потому что он услышал разговор мужчины и женщины. Они сидели возле

здания, где начиналась аллея. Лавочек, на которых постоянно отдыхали студенты, тут было установлено много, но этим приспичило сесть именно на крайнюю.

Антон осторожно выглянул. Выйти со двора незамеченным невозможно. В крайнем случае о нем подумают, что он зашел во двор по нужде. А если они тут сидят уже час и не видели его прежде? Тогда по очень большой нужде.

Ну и пусть думают, что хотят. Антон не успел сделать шаг, как обратил внимание на то, что на плечах мужчины, сидевшего на лавке, виднеются полицейские погоны, кажется, с одной звездочкой. Что за денечек сегодня такой?

– Так они что же, просто так взяли и уволили вас? – спросил младший лейтенант свою собеседницу.

Эта женщина была в возрасте, с седыми, коротко остриженными волосами и в очках.

– Ну, почему же просто так? – проговорила она грубоватым голосом. – Разговор-то давно шел, я же пенсионерка, но получилось все как-то скоропалительно. Столько лет проработала, даже обидно!..

– Получается, что привезли тело, вы его, Людмила Ивановна, вскрывали, а потом пришли люди и серьезно поговорили с вами о неразглашении? Наутро вам объявили, что вы уволены. Что же это я такое нашел?

Антон насторожился и весь превратился в слух. «Тело», «вскрытие», «неразглашение», «скоропалительное увольнение», «загадочная находка»!.. Ничего себе, интересный на-

бор слов для беседы вечером у стен закрытого морга. Причем между патологоанатомом и сотрудником полиции. Как он ее назвал? Людмила Ивановна? Совпадение? У той Панкратовой, которая вскрывала тело водителя генерала Хрусталева, тоже инициалы «Л. И.». Теоретически возможно и совпадение. Но тема! Кто же они такие?

– Вы, Николай, нашли труп человека, которого перед захоронением облили серной кислотой. Видимо, чтобы его невозможно было опознать.

– И вы ничего не смогли определить?

– Вы забываете, молодой человек, сколько я проработала в этом здании. Это молодой мужчина, азиат. Его национальность – таджик, узбек или туркмен. Возраст примерно двадцать пять, максимум тридцать лет. Жил он в условиях, далеких от комфортных, мылся очень редко и много потел. А еще ему часто приходилось терпеть нужду.

– В смысле, что он голодал?

– В смысле, что по нужде он не мог сходить. Хотя патологий в мочеполовой системе я не нашла. Думаю, что ему просто приходилось терпеть.

– Подождите, Людмила Ивановна, вы сказали, что этот человек сперва умер, и только потом его облили кислотой. А причину смерти установить можно?

– Отчего же? Конечно можно. Мне это, по крайней мере, удалось. Несмотря на то что грудная клетка была разъедена кислотой практически до костей, даже легочная ткань начала

распадаться, я все же определила пулевой канал, выходящий за левой лопаткой. Стреляли чуть-чуть сверху вниз. Рост погибшего составлял метр шестьдесят пять. Человек, стрелявший в него, мог быть сантиметров на десять повыше.

– А если в бедагау пальнули, когда он стоял на коленях? Хотя разница была бы больше.

– Могли стрелять в лежачего, но если так, то земля под ним обязательно была рыхлой. Кстати, я повидала много подобного, так что могу предположить, что пуля пистолетная, девятимиллиметровая. Так что вашего таджика просто доби́ли.

– В смысле?

– Он и без того был очень плох. Отравление сернистым газом. Кстати, это промежуточный продукт при производстве серной кислоты, которой его потом и облили.

– Так, может, это несчастный случай? Надышался, облился, а его пожалели и застрелили?

– Нет, он травился длительное время. Видны не ожоги легочной ткани, а их постепенное разложение от вдыхания агрессивного вещества.

– Так что же это получается? – Младший лейтенант задумался и поскреб в затылке. – Этот парень работал в какой-то химической лаборатории или на заводе и нарушал технику безопасности. А, кстати, как получают серную кислоту?

– В принципе, это очень просто. – Женщина пожалала плечами. – Сначала окисляют серу до получения оксида. Это,

собственно, и есть сернистый газ с удушливым запахом. На втором этапе его окисляют до триоксида, сернистого ангидрида. Потом его соединяют с водой, вот вам и кислота.

– Понятно, – каким-то унылым голосом сказал младший лейтенант. – Рядом ни одного узбека или таджика, а труп есть. И серы нет. Рядом военный завод, но откуда там она? Я что-то не слышал о снарядах, начиненных ею. Да и таджиков на оборонное предприятие не возят, там гастарбайтеры не трудятся. Ни одного химического производства в округе, вплоть до Москвы. У меня тут три поселка и самое большое дело – это фермерское хозяйство.

– Ну, Николай, я пойду. – Женщина решительно поднялась и оправила платье.

– Да, спасибо вам, Людмила Ивановна. – Младший лейтенант подскочил. – Вы мне очень помогли.

– По-моему, я вас просто запутала, – без улыбки ответила женщина. – Если что, звоните.

Антон стоял и смотрел вслед сотруднику полиции, который брел, глядя себе под ноги.

«Так, телефон этой дамы у него есть, значит, никуда она от нас не денется, – рассудил Копаев. – С ней потом, а сейчас этого паренька с унылой физиономией надо попытать.

Кто он? Почему в форме, если это оперативный работник? Может, участковый? Или из ДПС? Нет, скорее все-таки именно участковый. Он ведь что-то сказал про то, что у него в округе всего три поселка. У него!

Значит, надо умудриться сыграть на неопытности, погруженности в это загадочное дело. А оно совсем странное. Что-то много тут темных историй. Охота за генералами, труп, сожженный кислотой.

Выходит, что дело, порученное мне, и та история, о которой я сейчас услышал, должны быть из одного ящичка!»

– Товарищ младший лейтенант, – позвал Антон, догоняя полицейского. – Прошу вас на минуту остановиться.

– Что? – Антон увидел худощавое и осунувшееся лицо. – Вы кто?

– Увы, я тот, кому велено поговорить с вами, Николай. Увы, Людмила Ивановна не вняла нашим просьбам и все рассказала вам. А ведь мы ей запретили разглашать. Теперь вы появились.

– Вы откуда? Армия, ФСБ? – неприветливо осведомился полицейский. – Ваши документы?

– Юноша, если мы сейчас начнем злить друг друга и документами козырять, то ничего хорошего из этого не получится, – нагло процедил Антон сквозь зубы. – Мне придется вас задержать и препроводить к нам в контору. Разговор там пойдет уже иной. Вам карьера-то хоть дорога? Я бы на вашем месте сделал виноватое лицо, сказал что-нибудь вроде «Дяденьки, я больше не буду» и отделался бы легким испугом.

Младший лейтенант зло уставился в сторону и больше не требовал предъявить документы. Антону это понравилось.

«Кажется, парень в самом деле попал в переплет, – рассу-

дил Антон. – Ему и хочется, и колется. Он желает раскопать это преступление и боится нарваться на неприятности. Видать, его уже предупреждали, чтобы не лез не в свои дела. А ну-ка мы с другой стороны зайдем. Сами молодые были, любили жуткие тайны и загадочные истории».

– Знаешь что, Коля, а давай-ка мы с тобой поговорим о кое-каких интересных тебе вещах, – тихо предложил Антон. – Вон на ту лавочку сядем и пообщаемся, как вы с Людмилой Ивановной только что беседовали.

– Вы что, следили за мной? Или за ней?

– Работаем, Коля, работаем. Дело-то серьезное, сам понимать должен, поэтому и действия несколько непривычные. Вот об этом я и хочу с тобой поговорить.

Они отошли к ближайшему дому и уселись под ветвями большой ивы у заброшенного маленького фонтана. Кажется, все складывалось как надо. Масса факторов подсказывала этому младшему лейтенанту, что с ним разговаривает в самом деле работник какой-то силовой структуры. Настолько серьезной, что этот паренек перестал даже название ее спрашивать.

– Вот что, Коля, я хочу поговорить с тобой, как офицер с офицером. Ты голову себе не ломай и не мучай себя подозрениями о том, что тут творятся темные делишки. Просто этот труп проходит не по вашему ведомству. Поэтому всех тех, кто располагает информацией, мы попросили немного помолчать. В серьезном деле малейшая утечка информации

может привести к критическим последствиям. Понимаешь?

– Это я знаю, – ответил младший лейтенант совсем иным тоном.

Кажется, он и вправду понимал все правильно.

– Я просто... это же мой участок, моя территория. И нашел его я.

– Вот как раз это и ценно, – вкрадчивым голосом сказал Антон. – Поговорить с тобой я решил сам, без ведома моего начальства. А оно мне это наверняка запретит, только я заикнусь. Молод больно участковый, скажут, опыта нет, хватки оперативной, дров наломает. А я вот тебе верю, Коля, и прошу помочь нам, но только...

Антон, как в детективном фильме, огляделся по сторонам, прищуривая глаза.

«Не переиграть бы с этими типажами», – подумал он.

– Только моему начальству об этом разговоре знать не стоит. Они меня не поймут, накажут, тебя отстранят или вообще постараются из органов убрать. В общем, проблем будет много, но я рискну пригласить тебя в помощники. Согласен? – Антон широко, открыто улыбнулся и протянул руку младшему лейтенанту.

Нестеркин помедлил, не удержался от ответной улыбки и пожал протянутую руку.

– Меня зовут Антон, и мы с тобой должны еще разок съездить на то место, где ты нашел тело. Вдвоем лучше думается, чем одному, а поразмыслить тут есть о чем. Еще раз расска-

жешь, как нашел тело. Это называется мозговой штурм.

– Давайте съездим, – согласился участковый.

– Не давайте, а давай! Работать будет проще, если мы перейдем на «ты». Я ведь не полковник, а всего лишь капитан. Так как насчет завтрашнего утра?

– Вполне. Там в посадках и встретимся. Часиков в девять подойдет?

– Да. – Антон кивнул, но был несколько озадачен.

Он ведь и представления не имел о том, где было найдено это тело, обожженное кислотой.

– Ты на машине? – осведомился он.

– Да, вон мой «уазик» стоит.

– Ну, пошли, я тебя провожу. – Антон поднялся с лавки и сунул руку в карман куртки, где наготове лежал радиомаячок. – У тебя участок не очень большой, все люди на виду. Надо бы нам поговорить о подозрительных личностях, которые тут живут или иногда появляются. Так что ты уж завтра выдели часочек-другой на такой разговор, ладно?

Антон специально тянул резину и говорил всякие умные слова. Он должен был иметь повод дойти вместе с участковым до его машины, попрощаться, когда тот в нее сядет, и успеть сунуть маячок под сиденье. В противном случае этот паренек догадается, что его новый знакомый, не назвавший ведомства, в котором служит, не совсем в курсе событий.

А может ли он быть не в курсе, если делал такие заявления? Нет, никоим образом. Тогда этот субъект не имеет ни-

какого отношения к силовым ведомствам, а является представителем криминальной структуры, возможно, той самой, которая и виновата в гибели несчастного таджика.

Последствия вполне очевидны. Попытка ареста Антона, сообщение своему начальству о некоем типе, который чем-то тут интересуется, и тому подобные неприятности, которые отбросят Копаяева в его расследовании далеко назад.

Глава 3

Тяжелый черный «бентли» с московскими номерами въехал под огромную вывеску «Сармат», укрепленную над широкими воротами завода. Следом черной тенью скользнул «хендай» с номерами Министерства обороны. Охранник с эмблемой частного агентства на рукаве проводил машины взглядом. Он уже привык, что на завод чуть ли не по два раза в неделю приезжают генералы, депутаты, да и хозяин бывает чуть ли не каждый день.

Хотя Павел Леонидович Слащев был и депутатом и хозяином в одном лице. Каждый это знал, и никого такое не смущало. Хотя в последнее время высшие власти очень строго стали следить за тем, чтобы никто из членов Государственной думы не занимался бизнесом.

Завод был новым, работал едва ли полгода. На нем фактически пока еще проходили пусконаладочные работы. Он был возведен на бывшем военном полигоне в очень короткие сроки. Строители торопились так, как будто боялись, что Министерство обороны вот-вот передумает поручать гражданским утилизацию боеприпасов, сроки хранения которых закончились. Для России технология была новой, хотя во многих странах ее успешно апробировали.

Машины прокатились по широкой дорожке между кипарисами и остановились перед свечой административного

здания, сверкающей стеклом и хромом. У входа уже стояла группа людей в дорогих костюмах. Все делали вид, что вышли так, по делу, да вот получилось, что как раз к приезду гостей подгадали.

Смуглый остроносый директор завода Черняев суетливо потирал руки, широко улыбался и лез открывать дверцы машин. Но, судя по тому, как гости покидали автомобили и в каком порядке здоровались с присутствующими, Черняев тут был пешкой. Более значимой фигурой выглядел главный инженер предприятия, седовласый крупный мужчина лет шестидесяти.

– Что у тебя за мусор на въезде? – тут же сделал замечание директору один из приехавших, полный мужчина с тяжелым подбородком и глубокими залысинами. – Гоняй своих орлов, не давай им покоя, а то все новое моментально изгадишь и превратишь в старое.

Постепенно группа встречающих рассосалась. Кто-то посчитал, что приличия соблюдены и представительность обеспечена, кто-то обрадовался, что к его подразделению не возникло вопросов, а кто-то просто поглазел, послушал и ушел. Через несколько минут по территории, осматривая корпуса, шли только четверо.

– Еще неделя или дней десять, и мы выйдем на плановый объем утилизации, – басом говорил главный инженер. – Оборудование работает нормально, но районные власти подводят. Не решены кое-какие вопросы нашей инфраструкту-

ры, имеют место перебои с поставкой газа и электроэнергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.